

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

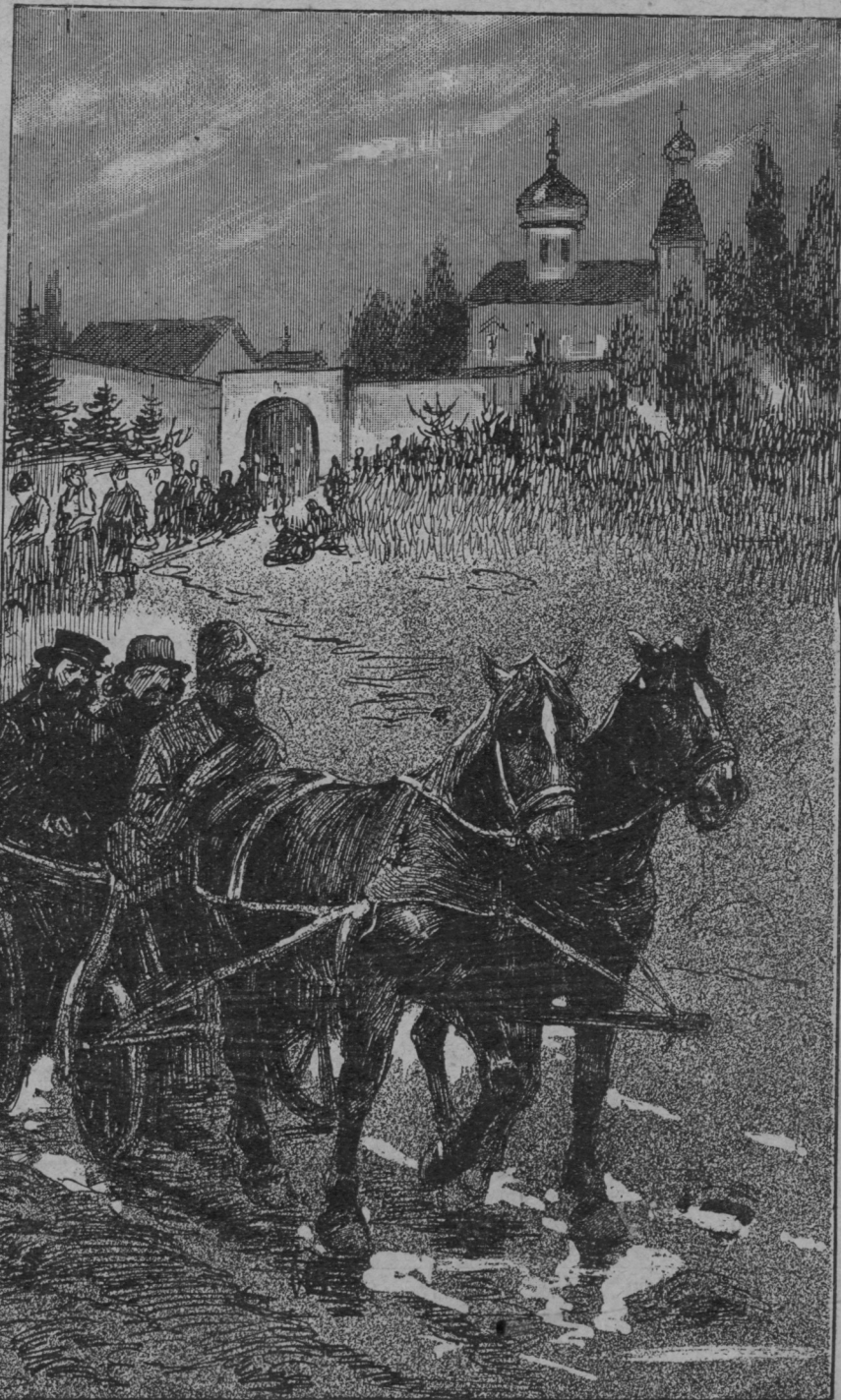
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи.
На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.
Объявленія: за мѣсто, занимаемое строкою нонна-
рекла. Для этого спеціальнаго № тарифъ на бѣлыхъ
доп. листахъ повышеиъ до 1 рубля; подъ текстомъ—
2 руб. 50 коп.; на 2-й страницѣ обложки—1 руб. 50 коп.;
на 3-й и 4-й стран. обложки—1 руб. 25 коп.
Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе конторы: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“
Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Не птицы радостно и вольно
Кружатся въ синей высотѣ,—
То звонъ пасхальный богомольно
Зоветь къ спасительной мечтѣ.

Въ оврагахъ таютъ глыбы снѣга,
Поетъ весенняя рѣка.
И въ вѣтрѣ—сладостная нѣга,
Какъ бы дыханіе цвѣтка.

И вновь счастливыя видѣнья
Слетаютъ съ облачныхъ полей—
На свѣтлый праздникъ Возрожденья
Подъ небо родины моеи!

Яковъ Гогинъ

Со святомъ.

Оригинальный рисовокъ для журнала «Огонекъ» художника Пьер—О.

было на мѣстѣ уничтожить? Онъ бы весь экипажъ пересарапалъ.

— Какъ-нибудь иначе изолировать.

— Руку отсѣчь?

— Ну, руку отсѣчь, все-же лучше.

— А мы потомъ еще съ полсотни пиратовъ повѣсили.

— Пираты-ли они были?

— А кто ихъ знаетъ! Только матросы вѣшали ихъ, какъ крысъ: очень они Тома любили; бывало, всѣ реи увѣшаны желтыми мерзавцами.

Мать не выдержала, ушла къ себѣ, и мнѣ велѣла уходить.

А дядя Чарльзъ сталъ на спирту кипятить хересъ съ сахаромъ.

— Нынче жизнь человѣческая возве-

дена въ какую-то стоимость,—покачивая головой, говорилъ онъ.—А что же стоитъ? Десять пенсовъ! Да и того не стоитъ. Да скажи мнѣ, что меня сейчасъ повѣсятъ,—и глазомъ не моргну,—особенно если за дѣло.

— Я съ вами не согласенъ,—сказалъ Стенковичъ.

— Когда сойдутся два человѣка,—проговорилъ дядя,—и начнутъ спорить, никогда одинъ другого не убѣдитъ, и всегда каждый останется при своемъ мнѣнii.

Л. Тетюшинъ

ОБРЕЧЕННАЯ.

СКАЗКА
Алексѣя Ремизова *).

Иллюстрировалъ для „Огонька“ академикъ А. В. МАКОВСКИЙ.

Былъ одинъ человѣкъ торговый — богатый купецъ. Помнилъ онъ Бога, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго.

Вѣхалъ купецъ на ярмарку, задержался въ городѣ и только къ ночи на мѣсто поспѣлъ. Остановился

купецъ на постояломъ дворѣ. Позднiй былъ часъ, и чаю не выпилъ, помолился, легъ спать.

И вотъ слышитъ купецъ, будто подъ окномъ стучитъ кто-то, а онъ будто всталъ и къ окну, спрашиваетъ:

*) Въ основу положена сказка, см. Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, № 147.

— Что надо?

— Въ сей часъ,—отвѣчаетъ ему со двора кто-то,—дитѣ родилось въ домѣ, и скажу тебѣ, что этому младенцу будетъ.

— Что ему будетъ?—спрашиваетъ купецъ.

И опять со двора отвѣчаетъ ему тотъ же голосъ:

— До семнадцати лѣтъ вырастетъ этотъ младенецъ, а въ семнадцатый ангельскiй день въ колодецѣ убьется на улицѣ.

И больше ни слова. Спитъ купецъ, больше ничего не слышитъ.

На утро проснулся купецъ, вспомнилъ сонъ ему, и заходитъ онъ къ хозяину. А хозяйка въ ту ночь дитѣ родила — дѣвину. Жалко стало купцу дѣвченку, задумалъ онъ спасти ее, сохранить отъ бѣды неминуемой, обреченную,—говоритъ отцу:

— Я всю ярмарку тутъ проторгую, возьмите-ка меня кумомъ.

Хозяинъ видитъ, купецъ богатый и человѣкъ очень хорошiй, согласился, взявъ его кумомъ. Богатыя справили крестины. Не пожалѣлъ купецъ денегъ, всѣхъ наградилъ щедро—и куму и крестницу. Всѣмъ купецъ по душѣ пришелся.

Кончилась ярмарка, пришло время домой ѣхать, прощается крестный.

— Ежели,—говорить,—будетъ жить моя крестница, оставлю ей обновъ всякихъ и содержания, а какъ семнадцать лѣтъ ей исполнится, на ангельскiй семнадцатый день ея я самъ буду, ежели самъ живъ буду.

Растетъ крестница. Шестнадцать годовъ проходитъ. Выросла крестница и такая—такъ хороша, была бы лучше, да некуда. Шестнадцать лѣтъ прошло и ни разу не побывалъ крестный у крестницы. Ждутъ крестнаго: два дня осталось до ангельскаго дня крестницы. Ждутъ купца, глядятъ на дорогу, не ѣдетъ-ли.

Помнилъ Бога купецъ, Богу молился, чтобы далъ Богъ всего хорошаго. Не забылъ онъ сна своего, не забылъ обѣщанiя. Онъ спасетъ крестницу, сохранить ее отъ бѣды неминуемой, обреченную: онъ одинъ знаетъ судьбу ея, одинъ можетъ повернуть судьбу.

Ѣдетъ купецъ. Встрѣчаетъ его крестница.

— Здравствуй, крестный!—и глядитъ на него такая—такъ хороша, была бы лучше, да некуда.

Купецъ ей гостинцу—платье привезъ, что всѣмъ людямъ на диво.

Начались именинные сборы. Говоритъ крестный кумъ:

— Возьмите изъ колодца воды по надобью, чтобы на двое сутокъ воды хватило.

Взяла кума воды въ кадки, наполнила на двое сутокъ. Велѣлъ купецъ обить колодецъ кожей. Самъ и кожу купилъ, самъ и работу провѣрилъ, все-ли сдѣлано такъ: мягко и гладко.

«Схватился крестный, зоветъ крестницу, а она ужъ мертвая...»

Рисоваль для «Огонька» академикъ А. В. МАКОВСКИЙ.

Наступили именины крестницы, семнадцатый ангельский день ея.

«Въ семнадцатый ангельский день убьется въ колодецъ на улицѣ!»—держитъ купецъ въ памяти, никуда не отходить отъ крестницы, зорко слѣдить.

Весело было въ домѣ,—веселый пиръ задалъ купецъ,—пили и веселились гости. А крестница ничего не ѣстъ.

— Ничего не хочу, не надо мнѣ ничего!—все отказывается, какъ-то вдругъ скучная стала.

И какъ ни потчевалъ ее крестный, ничѣмъ не развлекъ. Ничего ей въ душу не идетъ и не сидится на мѣстѣ: все на волю, все погулять просится. И обѣдъ не кончился, встала она изъ-за стола, да на улицу. И крестный за ней.

Идетъ она, словно ведетъ ее кто, скоро, легко идетъ, и прямо къ колодцу.

Догналъ ее крестный, взялъ за руку.

«Въ семнадцатый ангельский день убьется въ колодецъ на улицѣ!»—не заглушить ему вѣщихъ словъ, держать въ умѣ.

А она, какъ рванется, вырвалась и упала, на эту мягкую гладкую кожу упала...

Схватился крестный, зоветъ крестницу, а она ужъ мертвая.

И отнесли ее въ домъ и похоронили—слезно плакали. Да слезами не поможешь! Ужъ такъ ей было на роду написано.

Алекси Ремизовъ.